

Н.Г. СМИРНОВ

**ДЖЕК
ВОСЬМЕРКИН
АМЕРИКАНЕЦ**

ПОВЕСТЬ

ЗЕМЛЯК — 2006

0.0/0
X100

ZEMLYAK
2120 PRINCETON PLACE
SAINT LOUIS, MISSOURI 63117
USA

THIS EDITION FIRST PUBLISHED BY CLAY JURA'CSIK IN 2006

MADE AND PRINTED IN NORTH AMERICA
ZEMLYAK
ST. LOUIS, MO

EXCEPT IN THE UNITED STATES OF AMERICA,
THIS BOOK IS SOLD SUBJECT TO THE CONDITION
THAT IT SHALL NOT, BY WAY OF TRADE OR OTHERWISE,
BE LENT, RE-SOLD, HIRED OUT, OR OTHERWISE CIRCULATED
WITHOUT THE PUBLISHER'S PRIOR CONSENT IN ANY FORM OF
BINDING OR COVER OTHER THAN THAT IN WHICH IT IS
PUBLISHED AND WITHOUT A SIMILAR CONDITION
INCLUDING THIS CONDITION BEING IMPOSED
ON THE SUBSEQUENT PURCHASER

000101000101-100
X000(09)-06

FORMAT (COVER, TITLE PAGE)
ZEMLYAK, 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. ДЖЕК ВОСЬМЕРКИН

Глава первая. Редактор изменяет своему обыкновению...	6
Мальчик с коровой.....	9
Редактор дает историческую справку.....	17
В Сан-Франциско.....	20
В гостях у американцев.....	23
В погоне за помощью.....	26
Скитания по Америке.....	29
Цель жизни.....	34
Чему можно научиться в тюрьме.....	40
Джек кончает работу в Америке.....	44
На родину за землей.....	46
Редактор начинает действовать.....	49
 Глава вторая В родном доме.....	 53
Четырнадцать акров.....	57
Изучение местных условий.....	61
Джек принимается за работу.....	65
Первая весна на своей земле.....	69
Джек делается огородником.....	72
Страдная пора.....	76
Джек получает кредит.....	79
Таинственный «Робинзон».....	83
Новые знакомые.....	86
Джеком интересуются.....	90
Сигары «Вирджиния».....	94
Сливы поспели в Калифорнии.....	100

Глава третья Польза табака.....	107
Новые перспективы.....	112
Еще кандидаты в члены коммуны.....	115
Сбежал председатель коммуны.....	119
Николка Чурасов зашевелился.....	123
Возвращение Джека Восьмеркина.....	127
Экстренное заседание.....	130
Джек делает визиты старым знакомым.....	133
Неудачное переселение.....	137
Селькор по-американски.....	142
Джек выдерживает характер.....	146
«Новая Америка».....	151

Часть вторая. **КОММУНА «НОВАЯ АМЕРИКА»**

Глава первая. Егор Летний собирается в колхоз.....	158
Встречи со старыми знакомыми.....	161
Дела «Новой Америки».....	167
Три тонны излишков.....	170
Как был использован автомобиль Чарли.....	174
Джек узнает кое-что без книг.....	179
Ответ Сундучкову.....	182
Производственный план коммуны.....	187
Прения по производственному плану.....	192
План Чарли трещит	195
Капиталы Николки Чурасова.....	199
Заботы Николки Чурасов.....	206
Работа пошла.....	211
Зима.....	215
Глава вторая. Начинается весна.....	219
Джек в Москве.....	222
Плакали зеленые огурцы.....	228
Бобби Снукс за работой.....	230

Мобилизация внутренних ресурсов.....	236
Весенние работы.....	244
Первое мая.....	248
Большая работа.....	256
«Новой Америкой» интересуются.....	264
Искра в бок.....	267
Электричество не загорелось.....	274
Чарли сдает экзамен.....	278
 Глава третья. Пал Палыч поправился.....	 284
Второй удар.....	286
Ночью.....	294
Татьяна и Джек.....	299
Говорит Москва.....	303
Третий удар.....	308
Джек хочет жить.....	315
«Новая Америка» пригодилась.....	320

Часть первая

ДЖЕК ВОСЬМЕРКИН

Глава первая

Редактор изменяет своему обыкновению

- Простите, товарищ, трактор «Ойл-пул» - все это прекрасно. Но ведь трактор работает вовсе не на каменном угле. А затем, у меня нет времени...

Этимися словами закончил редактор свой разговор с развязным поэтом, который пытался продать в газету стихотворение о тракторе «Ойл-пул». Поэт вскочил с кресла и исчез в дверях. Редактор посмотрел ему вслед без малейших угрызений совести: он считал, что каждый деловой человек должен говорить кратко.

Теперь наконец он мог заняться собственным делом. Для этого он прежде всего придвинул поближе тарелку остывших щей и начал есть. Ел он без всякого аппетита, часто даже пронося щи мимо рта: ложка была в его левой руке, а правой он правил лежавшую перед ним статью. В это время дверь открылась, и в кабинет опять кто-то вошел.

- Короче! – сказал редактор грозно, продолжая читать и есть.

Молчание. Только перо скрипнуло по бумаге.

- Коротко трудно, – наконец сказал вошедший. – Коротко—совершенно невозможно.

- А все-таки. В двух словах.

- В двух? Хорошо. Хочу есть.

Редактор оторвал глаза от рукописи.

Перед ним стоял приятный паренек в серой бархатной куртке с желтым бараньим воротником, стриженным по-заграничному под машинку. На голове—тяжелая кепка с загнутыми на затылок наушниками. На ногах—коричневые башмаки с толстыми подошвами. Паренек держал в руках небольшой брезентовый мешок. В общем, вид его франтоватый, а лицо веселое. Вдобавок он улыбался, и золотые

зубы дружным рядом сияли в его верхней челюсти. Никак нельзя было подумать, что парень нуждается.

Редактору стало совершенно ясно, что следует как можно скорее выпроводить его из кабинета.

- Вы, вероятно, умеете читать, товарищ? - сказал он наставительно. - Здесь не столовка, а редакция сельскохозяйственной газеты...

- Я знаю. Но все-таки хочу есть.

- Фамилия? - отрывисто спросил редактор, прекрасно понимая, что вопрос этот грозит осложнениями. Но что делать? Паренек чем-то сумел подкупить эго. Может быть, своей улыбкой, которую он все время пускал в ход. Он и теперь, прежде чем ответить, широко улыбнулся.

- Меня зовут Джек Восьмеркин.

- Откуда?

- Из Петербурга. Я там в больнице лежал семь недель.

- Из Ленинграда, - поправил редактор.

Золотые зубы Восьмеркина сверкнули, как будто во рту вспыхнул огонь.

- Нет. Из Петербурга.

- Такого города нет.

- Есть. Это в штате Вирджиния. На линии Ричмонд - Чарльстон.

- Ага, - сказал редактор и позвонил.

Теперь он уже знал, что делать дальше, и принялся читать статью. Явилась курьерша.

- Дайте товарищу обед, - произнес редактор. - И позовите Пичулина.

Пичулин, спец по англосаксонским странам, в круглых очках и длинной кожаной жилетке, явился как из-под земли. Джек Восьмеркин в это время только что принялся за щи.

- Ну-с, - сказал редактор, когда Пичулин вопросительно стал у его кресла, - так вы, товарищ, из Америки, из штата Вирджиния? Это уже лучше. Нельзя ли, Пичулин, его использовать? Ты когда приехал-то? - спросил он Восьмеркина, дружески переходя на «ты».

- Две недели назад.

- Через Владивосток?

- Нет, через Мурманск.

Пичулин тихо подошел к Джеку. Вынул блокнот, что-то сообразил.

- Можете ли вы к послезавтра написать мне статью строк на двести: «Безработица среди батраков в Соединенных Штатах»?

Джек густо покраснел и с каким-то бульканьем проглотил щи.

- Я плохо пишу по-русски. Прочитать статью сумею... Но писать не возьмусь.

- Но вы русский?

- Да, конечно. Но я долго пробыл в Америке.

- Это уже хуже, - сказал редактор и задумался.

Теперь он понял, почему так старательно выговаривает некоторые слова Джек.

- Писать ты не умеешь, - сказал он немного погодя. – Русский язык знаешь плохо. Такие люди нам не нужны.

Свет электрической лампочки отразился в золотых зубах Джека.

- Такие люди вам не нужны? – переспросил он тихо. – А я думал, что нужны. Писать статей я действительно не умею. Но я могу делать кое-что другое.

- Что именно?

- Я могу восемь часов подряд пахать на тракторе, а если он остановится, я починю его. Знаю куроводство и хорошо отбираю яйца в инкубатор. Могу подоить десять коров, а если их сорок, то налажу дойку электричеством. Два года я ухаживал за табаком в Вирджинии и ладонями могу вертеть сигары, по тысяче штук в день, конечно если начинка подготовлена. Я говорю о сигарах «Вирджиния», по пять центов штука. Потом мне приходилось выращивать клубнику величиной в кулак...

- Довольно, довольно! – закричал редактор.

- Нет, я правду говорю. Ведь я не бродяга, а настоящий уборочный рабочий. Шесть лет я таскался по фермам, только вот теперь приехал сюда кочегаром. Мы вам хлопок привезли. Я удрал с корабля потихоньку и сел в поезд. Все деньги истратил на билет, зайцем не поехал. И вот теперь голодаю. Здесь я уже десять дней, и все мне говорят, что никому не нужно мое умение. А по-моему, нужно.

И он опять сверкнул золотым зубами.

Редактор спросил:

- А зубы почему золотые?

- Упал с титана в Дакоте. Ведь вы знаете, эти титаны высотой почти с паровоз. Стукнулся зубами о колесо. Четырех как не бывало. Вставил за восемьдесят долларов. Они литые, чистого золота. Хотел уже выпилить их и проесть. Но прежде сюда пришел...

- Занятная штука, - сказал редактор задумчиво. – Что же нам с тобой делать, Восьмеркин? Ты зачем в СССР-то приехал?

- По делам, - ответил Джек и густо покраснел.

- Так. А где живешь?

- Нигде не живу. Ночевал в ночлежке. Да плохо там. Смеялись над моей курткой.

- А вещи у вас есть? - спросил Пичулин совсем не деловым тоном.

- Ничего нет. Я сюда без вещей приехал. Нельзя было с парохода вынести. Вот только мешок...

- А что в мешке?

- Пшеница. Отборные зерна. «Манитоба», «Маркиза», «Дакота». Я их четыре года на фермах собирал. Теперь от голода съел тысячу двести штук. Самых мелких, конечно.

- Поешь лучше каши, Восьмеркин, - сказал редактор мягко, пододвигая тарелку. - Твое дело надо обдумать. С удовольствием бы покалякал с тобой, да вот некогда...

Пичулин с удивлением посмотрел на редактора.

Этот человек, сухой и точный, никогда раньше не говорил таким задушевным тоном. Что-то с ним случилось. Но глядел на Восьмеркина и улыбался.

- Да, - повторил редактор задумчиво. - С удовольствием бы с тобой покалякал...

Он вынул записную книжку и там что-то зачеркнул.

- Хочешь, так сделаем: приходи сегодня ко мне на квартиру ровно четверть двенадцатого. Расскажешь свою историю. Может быть, что и придумаем. Согласен?

- Угу.

- И ночевать у меня будешь.

- Спасибо.

- Вот тебе мой адрес. Найдешь?

Джек усмехнулся.

- Ну, пока...

Ночью Джек Восьмеркин рассказал редактору свою историю. Примус безостановочно шумел на окне. Чаю выпили много. Разговор продолжался три или четыре часа.

Рассказ Джека был длинен и бессвязен. Чтобы понять его как следует, редактору пришлось задать множество вопросов. К трем часам утра картина приключений Джека выяснилась во всех подробностях.

Вот как было дело.

Мальчик с коровой

Весной 1918 года в Петрограде начался голод. Продовольственные склады совершенно опустели, а подвоза продуктов не было. Перед булочными вытянулись тысячные очереди. Целыми часами люди простаивали для того, чтобы получить кубик черного хлеба величиной с пачку спичек. На базарах торговали главным образом несъедобным: посудой, треуголками, тряпьем, мебелью. В кафе у Адмиралтейства за бешеные деньги подавались тонкие ржаные лепешки, жаренные на льняном масле. Все столовые и рестораны закрылись. Исчезло даже молоко, которого всегда было много в это время года.

В городе началась паника. Уже поздно было делать запасы. Оставалось только надеяться, что голод не может продолжаться вечно. Говорили, что с новым урожаем появится продукты. Война кончилась. Крестьяне возвращаются в деревни. Надо только подождать до осени.

И вот, чтобы полегче прошло это голодное лето, большая группа Петроградских интеллигентов решила отправить своих детей за Волгу, туда, где много белого хлеба и молока и откуда шли письма, что голода там нет и в помине. С огромным трудом получили специальный санитарный поезд. Поезд был очень длинный и состоял из белых теплушек и вагонов. В вагонах разместились девочки, в теплушках – мальчики, всего около пятисот человек. Вместе с ними ехали учителя, воспитатели, гимназические сторожа. После долгого, полного приключений пути белый поезд высадил детей за Волгой, в обетованной стране.

Петроградским детям пришлось провести здесь гораздо больше одного лета.

Восстание чехословаков вызвало военные действия в полосе железной дорогой. Затем поднялся Колчак. Линия железной дороги оборвалась сразу во многих местах. Началась настоящая война. Между родителями и детьми протянулась линия фронта, пересечь которую не было никакой возможности.

На детей уже никто не обращал внимания, кроме их руководителей, которые были бессильны что-либо сделать. Огромная колония принуждена была разбиться на группы. Дети с руководителями разбрелись по деревням, станицам, поселкам. Не было средств к жизни, теплой одежды, обуви. Даже надежд на будущее не было. Дети болели, голодали, приходили в отчаяние. Все это Джек

знал только по рассказам. Сам он не был в колонии. Он познакомился с петроградскими ребятами случайно, осенью 1918 года.

Вагон третьего класса, наполненный детьми, стоял на одной из станций недалеко от Волги. Красные наступали, и у ребят появилась надежда, что советские войска займут станцию, прежде чем белые успеют увести вагон. А это давало возможность в ближайшие же дни вернуться в Петроград, к родителям.

Но обстоятельства сложились иначе. Внезапно к станции подскочила группа всадников. Казаки с пиками рассеялись по путям, охотясь за пустыми вагонами. Высокий офицер, осмотрев вагон, в котором находились дети, предложил немедленно очистить его. Вагон был нужен для штаба корпуса. Сопровождавший детей воспитатель, вспыльчивый человек, закричал, что дети не уйдут из вагона. Офицер арестовал воспитателя, и его увели куда-то. А детям было предложено выходить из вагона, и как можно скорей.

Казаки выбросили из окон подушки, корзины, книги, и на полотне образовался целый ворох самых разнообразных вещей. Дети в панике столпились тут же, не зная, что им делать.

Девочки заливались слезами, мальчики пытались успокоить их. Они тихо шептали, что скоро придут красные и все будет хорошо. Вдруг где-то вдали бухнул выстрел.

За первым выстрелом последовал другой, третий, четвертый. Высоко в небе развернулись красивые облачка дыма, и град пуль ударил по железной крыше станции. Красные действительно пришли. Но впереди себя они пустили артиллерию.

Четырнадцатилетний Валерьян, у которого был бинокль и который считался самым умным в вагоне, закричал, что надо спасаться, бежать опророметью, но, конечно, всем в одну сторону. Он схватил свою подушку и первый бросился через широкое поле, которое тянулось тут же за станцией. Его примеру последовали все остальные. Длинная ниточка детей протянулась по полю. Сзади самые маленькие, впереди Валерьян, закрывший подушкой голову от шрапнели. По временам он останавливался и кричал:

- Скорей!.. Черти, скорей!

Маленькие, наиболее слабые дети начали уставать. Они падали и кричали, что не могут двигаться дальше. На минуту все остановились и стали совещаться. Кто-то сказал, что стрельба затихает. Но это было затишье перед бурей. Со стороны белых подошел броневой поезд. Пушки загрохотали совсем близко. Дети заплакали, завизжали.

Старшие подхватили младших под руки и снова побежали вперед. Поле уже кончалось. В стороне желтели кусты, за ними был овраг. Дети спустились в овраг. Сюда выстрелы доносились слабее. Некоторое время шли по дну оврага. Потом остановились, сосчитали друг друга. Налицо оказались все сорок человек. Валерьян, который принял на себя обязанности командира, сказал, что можно посидеть: шрапнель сюда не залетит. Дети отдохнули немного, съели захваченную с собой провизию, напились воды из ручья, а затем пошли снова. Выстрелы все еще гремели вдалеке, и всем хотелось быть подальше от поля сражения.

В глубине оврага октябрьский день рано догорел и сменился холодным вечером. Дети наломали прутьев, сложили рядом вещи, захваченные в момент бегства. Нашлось несколько подушек. Легли все рядком, чтобы согревать друг друга. Хотя у Валерьяна были с собой спички, огня из осторожности решили не разводить. Боялись, что по костру начнется стрельба из орудий.

Ночью Валерьян и два других мальчика вылезли из оврага. Небо было розовое с одного края, но не тем, где находилась станция. По этому зареву мальчики догадались, что горит какая-то деревня. Они тихо спустились в овраг и уговорились по очереди дежурить с камнями в руках. Но сон оказался сильнее их. Первый же дежурный заснул, а тот, кто должен был его сменить, не проснулся. Впрочем, ночь прошла без приключений.

Утром старшие устроили совещание, что делать дальше, куда идти. Совещались долго. Пока старшие спорили, младшие плакали от страха и голода. Провизии не осталось ни крошки.

Наконец было решено подождать в овраге до полудня. А затем, если перестрелка не возобновится, идти на станцию и отыскать там руководителя. Но в это время со стороны станции опять донеслись выстрелы. В отчаянии дети уселись в кружок и принялись плакать.

Вдруг в кустах раздался какой-то треск, и перед плачущими детьми появился деревенский мальчишка, босой и без шапки. Он стоял на четвереньках и внимательно смотрел на детей.

Плач сейчас же прекратился. Ребята с интересом принялись разглядывать мальчишку. Тот продолжал стоять на четвереньках и при этом сопел.

- Ты здешний? – наконец спросил Валерьян негромко.

- Здешний, - ответил мальчуган и вскочил на ноги. – Из деревни Починки.

- Можешь ты отвести нас к себе в деревню и покормить?

- А сколько вас есть?
- Сорок человек.
- Не, не могу.
- Почему не можешь?
- Нет наших Починок. Сгорели они ночью. Белые из пушек сожгли. А мужиков всех перебили, и отец мой попался. А мать и сестра живьем в избе сгорели. Я один спасся. А вы, ребята, откуда?

Дети наперебой начали рассказывать, кто они такие. Когда картина достаточно выяснилась, мальчишка, немного подумав, сказал:

- Примите меня, ребята, к себе.
- Куда же мы тебя примем? – спросил Валерьян. – У нас у самых ничего нет.

- Все равно примите, ребята. Без меня ведь вы пропадете, как один человек. Я тут все места знаю и вам пригожусь. Хотите сейчас молочка принесу?

- Откуда у тебя молоко?
- А у меня тут с собой корова, Пеструшка. Мне мать спасти ее велела. Я ее погнал, а тут и наша изба занялась. Мать начала сундуки выносить, ну и сгорела вместе с Катькой. Одна Пеструшка осталась теперича у меня. Я всю ночь не хуже вас плакал, а вот теперь перестал.

Молоко, корова – это в представлении ребят означало почти спасение от голода. Мальчишку окружили со всех сторон.

Валерьян спросил деловито:

- Может быть, корову можно убить ножом, а потом зажарить? Спички и ножик у меня есть.

Мальчишка возмущенно махнул рукой.

- Сказал тоже... Ведь она теперь у меня одна осталась. Молоко пейте. А жарить не дам.

- А ты умеешь доить?

- Ну да, подою, если будет во что. У меня с собой посуды нет. А корова молочная. Я ее сегодня утром от голода прямо ртом сосал.

Посуда у детей нашлась – маленькое ведерко, из которого они пили воду. Валерьян, четверо ребят и мальчишка отправились через кусты и в глубине оврага действительно нашли пеструю корову, которая была привязана к кустам. Мальчишка подоил ее в ведро, и молоко сейчас же было распределено по два глотка на человека. Ведро было небольшое, и четыре раза пришлось возвращаться к корове и доить ее. Когда все молоко было выпито, ребята открыли совещание с участием нового товарища. Обсуждали все тот же вопрос: что делать дальше?

На этот раз глаза всех были устремлены на мальчишку. Спасения ждали от него.

- Вот что, ребята, - сказал он, напустивши на себя важность, - поведу я вас сейчас в деревню. Может быть, и накормят вас мужики. А там и подводы в город дадут.

- Да ведь сгорела ваша деревня, говоришь? – перебил его Валерьян.

- Подожди. Я в нашу не поведу, а в другую поведу, в Чижи. Чижи, может, и не сгорели. Село большеющее. Только вы меня, ребята, примите к себе.

- Ладно, принимаем! – закричал Валерьян.

- Принимаем, принимаем! – подхватили все.

- Тогда идемте, - сказал мальчишка.

- Встать! – скомандовал Валерьян. – Готовься в дорогу! – И, обращаясь к мальчишке, спросил: - А как тебя зовут?

- Яшкой зовут.

- Хорошо, Яшка. Веди нас в Чижи.

Дети вылезли из оврага и двинулись следом за Яшкой, который уверенно шагал через поле. Корову решено было с собой не брать, а прийти за ней вечером, когда выясниться, что в Чижах спокойно.

Яшка шел рядом с Валерьяном и покрикивал на отстающих. Все прониклись к нему уважением. В простоте сердечной дети считали уже, что положение их поправилось. До Чижей близко, Яшке приведет их туда, им дадут молока, покормят. В крестьянских избах можно будет переждать денька два. Потом придут красные и помогут добраться до Петрограда.

Дети шли бодро, даже весело. Спасение было близко, и путь к нему под предводительством Яшки казался ясным и простым.

Джек Восьмеркин и был этим самым белоголовым мальчуганом, который вызвался спасти от голода сорок ребят.

Веселое путешествие детей продолжалось недолго. Яшка вдруг стал оборачиваться назад и приглядываться к чему-то. Потом крикнул:

- Ложись, ребята! – и ползком начал пробираться к придорожным кустам.

Остальные тоже ползком последовали за ним, хотя и не понимали, в чем дело. В кустах Валерьян спросил:

- Чего ты испугался?

- Как – чего? зашептал Яшка. – Посмотри в стекла, если глазами не видишь. Ищут меня, хотят смерти предать.

- Кто тебя ищет?

- Известно кто – казаки. Вон они там по дороге едут. Двое, с ружьями и пиками. Меня они ищут. Я ведь один из всей деревни уцелел.

Валерьян приложил бинокль к глазам и увидел, что вдали по дороге действительно ехали два казака, приглядываясь по сторонам.

- Вы уж меня спасите, ребята, - зашептал Яшка жалобно, - я вам потом помогу.

- Как же мы тебе можем спасти? – спросил Валерьян.

- Дайте какое-нибудь пальтишко прикрыться. Не узнают они меня в городском, за вас примут.

Ребята сейчас же сообразили, что городская одежда действительно может защитить деревенского парнишку. Валерьян снял с себя пальто, нашлась и кепка. Одна девочка отдала Яшке запасные сандалии. Все видели в нем единственного спасителя, и важно было его отстоять.

Яшка, надевши чужую одежду, сразу почувствовал себя бодрее. Стал на ноги и долго следил за казаками.

- К станции проехали, - сказал он наконец. – Идем дальше, ребята. Может, и не за мной они.

Дети снова вытянулись по дороге. Яшка и Валерьян шли теперь сзади. Они все время оглядывались, а Валерьян почти не отрывал бинокля от глаз. Вдруг он закричал:

- Казаки! К нам скачут казаки!..

На этот раз всадники действительно направлялись к группе детей. Бежать и прятаться было бесполезно. Их заметили.

Однако Валерьян скомандовал:

- Бегом!

И все побеждали.

- Стой, братцы! – закричал Яшка. – От коней все равно не уйдем. Может, они нас не тронут.

Дети остановились. Молодой казак с пикой, не доехав до них шага, осадил лошадь.

- Со станции? – закричал он на все поле.

- Со станции, - ответил Валерьян, выходя вперед. – Что вам угодно?

- Мы за вами посланы. Поворачивайте назад. Велено вас всех обратно доставить.

- А там нет пальбы? – спросил кто-то.

- Нет пальбы. Отошел красный. Ну, двигайтесь.

Все надежды детей мигом пропали. Теперь нечего было мечтать о скором возвращении в Петроград. Правда, за ними послали, значит, их будут кормить. Может быть, отыщется руководитель. Но ведь радости от этого мало. Самое лучшее, на что они могли рассчитывать теперь, - это очутиться в прежнем положении.

Но казаки не стали церемониться с детьми, спрашивать, хотят или не хотят они идти на станцию. Чтобы сдвинут ребят с места, они въехали в самую гущу толпы, и детям волей-неволей пришлось тронуться. Впрочем, казаки не слишком торопили их в пути, только изредка покрикивали на отстающих. Они видели, что дети устали и голодны.

Часа через два ходьбы перед ребятами показалась знакомая станция. Их вагона уже не было на путях, не было и имущества. Казаки привели детей к коменданту, низенькому бородатому офицеру.

Комендант строго посмотрел на ребят и спросил:

- Все вы здесь?

- Все, - ответил Валерьян.

А Яшка в это время присел, так как испугался, что комендант узнает его и казнит.

- Я о вас запрашивал штаб, - сказал комендант. - Вас велено в тыл направить. Идите за мной.

- Ребята пошли за комендантом. Он подвел их к товарному вагону и скомандовал:

- Забирайтесь, живо!

- Мы сегодня не обедали, - заявил Валерьян.

- Молчать!

Ребята влезли в вагон все, за исключением Яшки, который все время смотрел в сторону, как бы желая удрать. Комендант прикрикнул на него, и Яшка тоже оказался в вагоне. Тут комендант закрыл дверь. В вагоне сделалось совершенно темно.

Ребята, толкая друг друга, кое-как разместились на полу и на верхних полках. Немного погодя дверь открылась. Двое солдат принесли хлеб, ведро воды и чугунок каши. Все набросились на пищу с жадностью. Съели весь хлеб, до последней крошки, и всю кашу, до последней крупинки. Даже воды не осталось в ведре. Солдаты забрали пустую посуду и снова закрыли дверь.

Когда шаги солдат замолкли вдали, Яшка попытался открыть дверь. Но это ему не удалось: дверь была заперта снаружи на задвижку.

Через двадцать или тридцать минут вагон сильно толкнуло; ребята догадались, что их прицепили к поезду. А еще немного погодя поезд без звонков и гудков отошел от станции. В этот момент в вагоне раздался громкий плач. Это Яшка заплакал, в первый раз за все время знакомства с ребятами.

- Чего ты? – спросил Валерьян. – Ведь ты сам навязался в нашу компанию. Мы тебя не тянули.

- Знаю, - прохрипел Яшка. – Я не по себе, я по Пеструшке убиваюсь. Пропадет она в овраге с голоду. Ведь я ее крепко-накрепко к кустам привязал...

Редактор дает историческую справку

Когда Джек Восьмеркин довел свой рассказ до этого момента, редактор прервал его.

- Стой, Восьмеркин, отдохни, сказал он шутливо. – Дальше я сам тебе расскажу.

Джек посмотрел на редактора удивленно: уж не смеется ли он над ним? Но тот подошел к книжному шкафу и вынул оттуда большую связку старых газет. Разложил газеты на столе и начал просматривать их. Джек заметил, что многие статьи были отмечены красным карандашом.

- Вот, - наконец сказал редактор и начал читать:

Америка защищает детей

Мною за подписью руководителя поезда Ленина Т. Рузер и представителя Наркомпроса в этом поезде Т. Венгрова получена любопытная телеграмма, которая не только должна быть опубликована в советской прессе, но и по возможности доведена до сведения всех порядочных людей мира.

Вот она:

Выясняется судьба бывшей петроградской колонии детей, вывезенной из Петрограда Союзом городов в 1918 г. в Уйскую станицу. Требуется немедленное вмешательство центральных властей.

Колония была передана колчаковским министерством внутренних дел 28 января 1919 г. в полное бесконтрольное ведение американского Красного Креста в лице доктора Скандера, гражданина Уэл Чекамиса и московского американца Свина, с правом перемещать детей, куда вздумается американцам, увольнять русский штат и вмешиваться в воспитательную часть по их благоусмотрению.

По показаниям священника села Ягуровки и местных жителей, дети были свезены туда весной 1919 г.

Дети жили в отвратительных условиях как материальных, так и моральных. Они просили милостыню и напрашивались на работу у соседей для пропитания. Американцы занимались своими торговыми делами, причем часть детей помогала американцам в качестве приказчиков в их лавках.

В конце мая, перед приходом красных, американцы увезли детей неизвестно куда. Эвакуация происходила ночью с приказом собраться в два часа, столь наспех, что склады колонии в большей своей части были брошены на произвол судьбы.

По слухам, дети увезены на какой-то остров Русский, близ Японии, причем на станции Курган дети от пятнадцати лет были мобилизованы.

На запрос по радио представителя Совдепа о судьбе детей и возвращении их родителям получена 15 октября радиотелеграмма генерал-лейтенанта Захарова, что дети будут отданы только после уничтожения большевиков и установления единой России.

Материалы и документы высылаем с представителем Наркомвнудела, членом ВЦИК Островской.

Заметьте, что дети, вывезенные Союзом городов, сплошь непролетарские. Это дети интеллигенции и даже петроградской полубуржуазии.

Наркомпрос, конечно, заботился о судьбе этих детей. Сами родители неоднократно просили нас об установлении разного

рода связей с детьми. Но у меня составилось впечатление, что эти родители из промежуточного класса склонны чуть ли не больше доверяться если не Колчаку, то американскому Красному Кресту, чем нам.

Жестокое поведение американцев должно послужить уроком не только родителям несчастных пленных детей, но и всем колеблющимся в России. Дети пролетарских колоний, вывезенные в Уфимскую губернию, были отвоеваны Красной Армией и возвращены в Москву и Петроград.

Я знаю, что родители отвезенных куда-то в Японию детей действительно тосковали по ним и страстно стремились к ним. Если бы не вмешательство американцев, эти дети были бы уже в объятиях своих матерей. Теперь малюток погнали неведомо зачем, неведомо куда, при отвратительных условиях.

Совет защиты детей имеет телеграфное сообщение, что при знаменитой эвакуации, о которой говорится в вышеприведенной телеграмме, одна девочка утонула, другие тяжело заболели. Еще возмутительнее то, что детей от пятнадцати лет насильственно забрали в колчаковскую армию.

Все это до того кошмарно, все до того нелепо, что только настоящим взрывом бешенства против нас и наших побед можно объяснить такой шаг американцев. Культурное же объяснение этого заключается в том, что американцы спасают детей от развращения их большевиками. Пусть старшие погибнут в рядах колчаковской армии, пусть младшие потонут и умрут с голода, пусть они будут отданы в рабство, но только не оказались бы они социалистами.

Народный комиссар по просвещению Луначарский

- Угу, - сказал Джек Восьмеркин, когда редактор дочитал статью до конца. — К весне мы как раз оказались в селе Ягуровке. А потом нас повезли дальше.

Он взял статью и еще раз прочел ее, шевеля губами. Потом, как бы вспомнив что-то, тихо сказал:

- Теперь я понимаю, почему нас не оставили в Сибири. Все время не понимал. Ведь, кроме петроградских ребят, с нами были и

сибирские. Всего собралось почти восемьсот человек. Когда Колчак был разбит, мы съехались все из разных мест в город Тургоянск. Здесь нас погрузили в поезд и повезли во Владивосток. Всем распоряжалась американцы. Они одели нас в американские шинели, которые были до того длины, что их приходилось подрезать снизу ножницами. Старших задержали для военной службы, и Валерьян попал в их число. Но осталось много моих сверстников, тринадцатилетних. Нам пришлось голодать и холодать зимой, и мы были рады, что нас везут куда-то. Мы часто разговаривали по ночам в вагоне о нашей судьбе. Было много разных предположений, но никто не думал, что нас действительно повезут в Америку. Нужды в этом никакой не было.

- Однако так и случилось? – спросил редактор.

- Так и случилось.

- Ладно. Тогда говори все дальше по порядку.

И Джек Восьмеркин начал рассказывать дальше.